

Олег ЧИСТЯКОВ

г. Петрозаводск

Уехали не все

1917 год. «В середине февраля я уже был в Петрограде и, узнав, что император находится в Царском Селе, поехал туда. Поскольку я входил в свиту его величества, а ранее командовал гвардейскими уланами, мог рассчитывать, что государь примет меня»¹, — сообщает в своих мемуарах барон К. Г. Маннергейм.

Николай II встретился с генералом.

9 марта Карл снова приехал из Хельсинки в Петроград.

Правительство готовилось к беспорядкам. На улицах появились пулеметы. Однако 11 марта Маннергейм посетил балет в Императорском оперном балете. Встречался с полковыми товарищами, прогуливался со своим другом Эммануэлем Нобелем.

К народному бунту правящая верхушка готовилась скрытно, незаметно. От царской семьи Карлу поступила просьба: порекомендовать офицера для «особых» поручений. Маннергейм назвал имя товарища-финна. Вникать, для чего понадо-

бился офицер царской семье, он не стал, хотя тайны хранить умел. Сам два года выполнял секретное задание Генерального штаба Русской армии. Не слезал с лошади, изучал жизнь Центральной Азии, Китая. Преодолевал большие трудности, терял помощников, не один раз рисковал жизнью, но повезло. Разведку провёл профессионально, на «отлично». Было это в 1906–1908 годах.

Теперь же революция в России меняла весь мир. 6 декабря Финляндия объявила свою независимость от Империи.

Карл Густав Маннергейм, финн, гражданин Финляндии, прослуживший в Российской армии тридцать лет, не пожелал оставаться в этой армии. В те дни «земля горела под моими ногами», — вспоминал генерал. В декабре 1917 года он вернулся в Хельсинки, чтобы разоружать солдат русской армии, расстреливать «красных финнов», стать маршалом Финляндии. Перед отъездом на улице столкнулся с Ярно Линнолахти, которого рекомендовал царской семье. Тот по-военному, коротко, доложил генералу суть своих занятий, но попросил язык держать за зубами.

Суть же была в том, что надо было собрать и отправить подальше от опасного Петрограда некоторые ценности.

Наиболее прозорливые члены царской многочисленной семьи успели уехать из столицы. Например, первый из претендентов на «царский престол» великий князь Кирилл Владимирович предугадал события. Известно, что уже 28 мая 1917 года в Финляндии он встречался с генералом Маннергеймом, а в июне перебрался в новое государство Финляндия с женой и четырнадцатью слугами.

Россия рушилась. Ее стали грабить все кому не лень.

Сокровища на вывоз

Команду Ярно сформировал надёжную. В неё вошли, кроме него, три офицера и семь солдат, все финны. С офицерами он разрабатывал тактику и стратегию в целом и каждой малой операции – всё делать тайно, без шума и потерь.

Офицеры стали гражданами с документами, далёкими от их прошлого. В конце года каждый из его «бригады» имел документы, разрешающие торговлю финским подданным на просторах России.

Долго обдумывались пути и способы перемещения грузов. Сначала их распределяли небольшими партиями на окраинах города. Когда поступила команда перемещать всё на Север, временными базами, точками хранения выбрали церкви, монастыри. Решение искали долго. Анализ показал, что в складывающейся нервной обстановке во всех слоях общества самым надёжным звеном будет именно церковь.

Обзавелись бумагами от высших духовных лиц, что очень помогло в сложном, рискованном деле. Путь выбрали через Лодейное Поле, Олонец.

К октябрю часть пронумерованных Ярно (и не только им) ящиков и ящичков была на берегах Ладоги, Онего и вблизи Петрозаводска. Несколько мест отправлялись в путь с одним офицером и двумя рядовыми в расчете, чтобы при надобности груз можно было взять на руки и двигаться на небольшое расстояние без какого-либо транспорта. Так удалось часть сокровищ доставить к местам временного хранения. В начале – в церкви Олонца, потом в Соломенскую церковь Петрозаводска.

Со служителями договаривались, показывая бумаги, рекомендующие помогать, затем на «божеское дело» дарили серебро. Бумажные деньги, даже «керенки», вышли из моды. Дело шло мед-

ленно, но шло. Все три офицера сделали «ходки» до Петрозаводска, где с помощью церковных служителей, но не всегда в церквях, укрывали перемещаемый груз. Применяли и «воинские» хитрости. В церковных подвалах оставляли «липовые» ящики, а с ценностями скрывали в других местах, только офицерам известные.

В окаянные дни 1917 года через границы Прибалтики, Украины, в Крыму, через Финляндию, много уплыло российских богатств. Самые состоятельные россияне и за границей оказались при деньгах.

Ярно был в раздумьях. Работа была проделана. Трудность состояла в том, что он не мог объяснить своим поделщикам суть задания, но они и не задавали вопросов. Пока не задавали. Денег было много, разных, и серебра. Иногда можно и отдохнуть, скромно, среди своих.

Обстановка в Петрограде стремительно менялась. Николай II отрекся от престола.

Ярно получал странные задания. Одно из последних – вывезти ценности из дворца Матильды Кшесинской, в котором уже хозяйничали революционные солдаты. Справились вовремя. Дворец заняли большевики.

Балерина с письмами будущего царя пряталась по квартирам друзей, с чемоданчиком с бриллиантами, жемчугом, дорогими украшениями. Обратилась к Керенскому, чтобы отстоять свой дворец, но он не помог. Позже балерина обнаружилась на юге России.

Что за груз собирали, Ярно не знал. Паковали без него, но всей работой кто-то руководил. Встречался он лишь с одним человеком.

Однажды решил «досмотреть» один из ящиков. Снял ремни, материю и увидел небольшой чемодан, заполненный свертками. Развернул один, другой, третий: дамские украшения, кольцо, брошки, серьги, кольца, табакерки, веера... Заблестели камни, золото, серебро, жемчуг. Описи ценностей фрейлины не было. То ли доверяла безоглядно, то ли не надеялась получить это когда-нибудь обратно.

Пришла команда: всё срочно перенаправить в Архангельск или Мурманск.

Первая мысль была – поездом. Но было уже поздно. Нужен был вагон с охраной, но это нерешительно. Никакой власти в России пока не было. Дороги встали.

Была даже мысль о самолете. Ненадежно. Отпала.

Вот пароход... Нева рядом. Ярно стал торопливо прорабатывать путь водным транспортом.

Готовились долго. Весной 1918 года с берега Ладоги ушло небольшое моторное судно с запасом горючего. Капитана подобрали тоже финна, ходившего по Ладоге и Онего. Два офицера и три бывших солдата отправились в Петрозаводск по суше.

Ценностей собралось много, если считать ящики-места. В последний момент приказали забрать наличность одного финансового учреждения.

Была одна странность. Пришлось ценности вывозить на автомобиле из здания английского консульства с Марсова поля. Это были брезентовые мешки, заполненные наполовину монетами из серебра и золота. Около тонны.

Вывезли за город и долго упаковывали в подъемные ящики, которые нашли на воинских складах из-под патронов и снарядов. Монеты сильно задержали экспедицию.

Арестовали царскую семью, увезли в неизвестность. В эмиграцию спешно уходили власть предрержащие.

Перед Ярно встал вопрос: «Кому служить?» Но он дал слово офицера. Честь дороже всего.

Юра из Гатчины

В эти же дни, а точнее 31 декабря, в Гатчине в семье профессионального повара, который и во дворцах работал, родился наконец-то сын, а то всё девочки были. Нарекли его Георгий, хотя всю жизнь потом звали Юрий. Что-то в церковных правилах не сошлось.

Рос он большим обормотом. Учиться не хотел, больше всего любил разводить почтовых голубей, имел хорошую голубятню. Зимой с другом ингерманландцем из зажиточной семьи гоняли по улицам Гатчины на лыжах, держась за вожжи несущейся вперед лошади. Любил гулять в роскошных парках, ловил еще царских карпов и карасей в прудах.

Отец, Василий, мечтал воспитать сына-наследника как хорошего повара, но Георгия-Юре это не очень-то нравилось. Но все-таки что-то из поварских уроков отца он усвоил. И это ему потом ой как пригодилось.

Революционная буря обошла стороной семью повара Василия. Неплохо жила и семья его брата, владельца кафе в Петербурге, до революции. Вкусно кушать все хотят во все времена.

Интересно, что одна сестра Георгия вышла замуж за повара-француза и всю жизнь прожила во Франции. У Василия в Гатчине был свой большой

дом. На участке баня из кирпича, сад. Имелась квартира в Петербурге.

Когда Юра как-нибудь нашкодит, отец его поджидал для наказания, но сын на ночь устраивался на дереве в саду.

Жизнь катилась быстро. Вот уже и набор из сорока ликеров в парке попробовал Юра. Хотелось любви. Она пришла неожиданно в лице девчонки, по характеру похожей на него.

Лена – Леночка – Елена. Росла сиротой. Родилась в деревне Бабы под Лугой. У нее было три сестры и два брата. Она – младшенькая. Мать умерла сразу после родов. Отец жил в Луге, но умер рано.

Лену растила бабушка, после ее смерти – сестры. Главная была старшая Евдокия. От бедности сестры из деревни тянулись в Питер. Лена жила то у одной, то у другой сестры. Своего угла не было.

Была подруга. С ней Лена села как-то в поезд и очутилась в Крыму. Райский мир. Работала на птицеферме, отъелась, загорела, путешествовала по Крыму. Её разыскивали два года по всему Союзу. Когда соскучилась по Ленинграду, вернулась и попала на Юрину любовь.

Это был самый счастливый период их жизни. Встречались то в Гатчине, то в Ленинграде. Юра приходил на свидания с голубем за пазухой. Дарил его Леночке. Счастливый голубь улетал искать свою, Юркину, голубятню, а молодые ворковали.

Рано ушел из жизни отец Василий. Умирал тяжело, призвал сына и приказал: «Живи как хочешь, но не пей и не кури. Иначе будешь мучиться, как я».

Свято соблюдал сын завет отца.

Юра и Лена поженились.

«Чухна», финны, густо проживали вокруг Петербурга, но после получения государственности Финляндией их стало рядом меньше. Граница по реке Сестре – это на пушечный выстрел от Северной столицы. Надо было границу отодвинуть. Добровольно финны на это не согласились.

Пришла война.

Юра военную форму красноармейца примерил в 1937 году, а в 1939-м попал воевать на Карельский перешеек. Его определили в повара и пекари. Работать приходилось круглосуточно. Хорошее питание солдата – наравне с боеприпасами.

На кухню иногда долетали шальные снаряды, но это как прилет пчелы.

Душа страдала, ум замыкало от непонимания, за что надо людям убивать друг друга, разорять домашние гнезда.

Зимняя война была жестокой. Юра в атаки не

ходил, но когда попадал на передовую, на место ушедшего боя, видел разорванные в куски человеческие тела, замерзших молодых ребят в неестественных позах, становилось страшно, хотелось убежать и спрятаться от действительности.

За 105 дней на финской войне перемололи миллион человеческих жизней с обеих сторон.

Юра повзрослел на годы. Когда его вернули на гражданку, долго не верил, что жизни простой так можно желать и радоваться.

Юру демобилизовали в 1940 году.

Друг его не вернулся с войны. Погиб на Карельском перешейке.

На улицах встречались солдаты-калеки. Было не по себе, иногда даже стыдно, что его жизнь продолжалась.

Лена ждала ребенка. И почтари были живы.

Первая встреча

Война вспоминалась часто. Врезался в память один случай.

Пленного финна привезли в часть в гражданской одежде, ободранного, очень голодного. Говорить отказывался, ругался по-фински и по-русски. Очень просил покушать. Пока не накормили – на вопросы не отвечал. Повар должен был финна накормить. Выяснилось, что Юра мог с ним обмениваться фразами на финском о еде. Ингерманландский язык друга помог.

Допрашивали финна долго. Пришлось кормить его дважды. Выяснить ничего полезного не удалось, лишь то, что путь держал на Кексгольм. Предлагал выкупить себя за большие деньги.

Темный был субъект. Явно правды не говорил.

Допросы перенесли на утро, а ночью этот тип сбегал. Лишь имя осталось – Ярно. Проявил немалую смекалку и силу. Убил часового, но и его ранили.

К этому финну Юра не почувствовал ненависти. Скорее, пожалел человека в годах, попавшего в сложный переплет на краешке войны.

Лучше спрятать

Восемнадцатый год определил дальнейшую жизнь Ярно. Он понял: ему крупно повезло, как в рулетку, но много больше.

Когда до Петрозаводска докатилась весть по церковным каналам о гибели царской семьи, то подумалось, что англичане в Архангельске уже не нужны, хотя они там и были.

На офицерском совещании решили не рисковать, операцию притормозить, сокровища разделать на части.

Первую схоронили на берегу Онего у заброшенной церкви. Когда уже завершили «работу» и шли к своему кораблю, их неожиданно обстреляли из разнокалиберного, явно не армейского оружия. Слышались охотничьи ружья. Нападавшим нужен был корабль. Отбились. Опыт воинский сказался. Винтовки и пистолеты были на корабле и с собой.

Быстро уплыли. Одного офицера и солдата потеряли. Хоронили как моряков, в волнах Онего.

Старательно обходили, завидев вдалеке, любое судно. Сделали остановку лишь вблизи Питкяранты – добавить горючего. Пока с этим бились, на одном из островов, надежно, в бывших каменных выработках, в шахте, оставили часть сокровищ.

Оставшейся командой, с солдатами и капитаном, снова стали держать совет. Решили идти к Кексгольму², сойти на берег, податься в Финляндию, на родину.

На острове Коневец в Коневском монастыре схоронили остальные богатства – все золото и серебро из английского посольства. Каждый из уходящих сшил себе жилет с тайными карманами для золотых монет.

Ярно остался один в Кексгольме. Убедился, что его боевое подразделение ушло и не вернулось. Капитан повел судно к Лахденпохье, где продал его. Обогащенный, подался в Финляндию.

Воинской бригаде не повезло. Нарвались на остатки «красных финнов» и русских. Золотоношь обыскали, допросили и ночью всех тихо уничтожили, предварительно ограбив.

Дело в том, что Ярно не пожалел золота, одаривая своих помощников. Фактически дал столько, сколько могли унести на себе. Никто не пытался спрятать хотя бы часть. Они же уже были дома. Также знали, что есть еще много-много драгоценностей, которых глазами не видели, но взвесили все на своих руках и плечах.

Второй раз не повезло, а могла быть такая богатая жизнь.

Ярно не знал, что смерть настигла всех. Были адреса. Через несколько лет он убедился, что ни один не вернулся домой. Лишь капитан судна процветал. Он был старым. Не все знал – он всегда был на судне. Ярно его не опасался. И, может, зря. Сыновья у него были.

Ярно переживал. Считал, что виноват в смерти товарищей и своих солдат, с которыми «работал» вместе год. Что-то не додумали, не учили.

Впрочем, в дальнейшем решил, что он не виноват. Сумасшедшая революция по-своему тасовала карты удачи и неудачи.

Шло время. Маннергейм давно уже навел порядок в стране с помощью немецких войск.

Бывший офицер мучительно размышлял: кому теперь принадлежат сокровища? Если за ними явятся владельцы, то часть их надо еще добыть в советской России.

Никто не являлся. Финн начал потихоньку жить и радоваться. У него была наследственная ферма. Расширил её. В Хельсинки построил отличный богатый дом. Росли сын и дочь.

Однажды подался в Европу. В Париже встречался с бывшими офицерами, «светился» в клубах, в обществе, но никто им не интересовался.

Вернувшись домой, совершил первую, но не последнюю инспекцию на остров Коневец. Приехал опять богачом. И все-таки. Как быть? Может, все рассказать Маннергейму? Но ценности не его. Царя нет, и многих из тех, кто поручил финнам нелегкую работу.

Старый финн не работал и не служил. Вел свое хозяйство. Постепенно притупилось чувство ответственности. А собственное, перед кем? Если бы Ярно знал, сколько царского золота и другого имущества России прикарманила Европа, он, наверное, действовал бы по-другому, не размышляя, присвоил бы всё и сразу.

Маннергейм однажды нашел друга. Тот ему кое-что рассказал, но не всё. В 1937 году Карл Маннергейм побывал на острове Коневец, инспектировал береговую оборону. В эти дни здесь был и Линнолахти. Не просто был. Сделал хороший подарок. Много монет переключало в фонд финской армии.

В 1940 году, когда заканчивалась Зимняя война, Ярно решил забрать остатки золота с острова Коневец, но вышло неудачно. Попал в плен, бежал, был тяжело ранен, вынужден долго лечиться, даже в Германии. И там-то его кто-то, наверное, «вспомнил» из бывших, но не доложились. Он же рад был, что поправился. Думал и о двух других схронах в России. Торопил его теперь возраст. Надо было что-то решать, но как?

Война. 1941–1944 гг.

В июне 1941 года на Страну Советов навалилась беда, как после 1917 года. Передых был мал. Только-только люди входили в какую-то разумную колею. И опять страх, растерянность,

громадные человеческие и материальные потери. Встоим ли?

Георгий-Юра из Гатчины снова был призван в армию, снова на Карельский фронт, но не Карельский перешеек, а на Север мчал его воинский состав. Через оконце товарного вагона виднелись озера. «Значит, рядом и болота», – думал уже опытный солдат. Он помнил, что на Карельском перешейке приходилось его солдатскую кухню и по болотам тащить, но солдаты, что-то, а кухню чуть ли не на руках выносили. Юра почему-то думал, что его снова определят в повара или в пекари – это теперь его воинская специальность.

Давно проехали Петрозаводск, поезд останавливался только для заправки. Можно было открыть двери вагона, подышать, покурить. Юра не курил по наказу отца. Вкуса табака не понимал. Повару и курить-то нельзя, чтобы вкус сваренного правильно ощутить.

Он вспоминал прощание с сестрой, женой. Слезы, слова надежды и любви. У них будет ребенок. Сын или дочь? Здорово, если бы сын. На рыбалку бы ходили вместе и голубей бы гоняли.

Поезд резко остановился. Вагон сильно дернулся, кто-то упал. Смеялись. Открыли двери теплушки и сразу услышали пулеметные и автоматные выстрелы где-то впереди.

«Вот и началось, – подумал Юра. – Пронеси Господи», – и он впервые перекрестился осмысленно. Под рубахой был крестик, жена надела, провожая.

Паники не было. Быстро выскакивали из вагона, отбегали в лес, куда направляли сержанты и офицеры. «Окопаться!» Приказ рыть окопы. Саперной лопаткой много не накопишь, но надо, надо быстро. Подкрадывался страх. Стрельба приближалась. Уже защелкали винтовочные выстрелы тех, кто недавно кемарил в вагонах. В соседнем окопе ранило солдата, и он кричал так отчаянно, что прошибала дрожь... Кто-то выскочил из окопчика, пытался бежать, но сержант не дал, вернул труса.

Юра отчаянно работал лопаткой, окоп-ячейка нужна на двоих.

Вдруг стрельба поутихла, как будто обе стороны устали и захотели передохнуть. Медленно тянулось время. Потом оно взорвалось пальбой финских автоматов со всех сторон. Сползали на дно окопов убитые и раненые. Рвались гранаты. Было трудно понять, куда стрелять. Казалось, это длится вечно, но прошло лишь полчаса. Все реже раздавались винтовочные выстрелы. Просто патроны

кончились. Основной припас остался в вагонах.

В окоп к Юре влетел знакомый сержант. «Давай документы», – хрипел он. Выхватив солдатскую книжку, завернул в носовой платок вместе со своим партбилетом и ещё что-то. Быстро закопал в стенке окопчика. В руках у него появились две гранаты-лимонки. Оба воина смотрели туда, где ожесточенно шла стрельба. А сзади повелительно взревело: «Рус! Сдавайся!» Дуло винтовки уперлось в голову. Второй финн выхватил Юрину винтовку из окопа.

Почти у каждого окопчика оказались финны. Они достреливали раненых, вытаскивали испуганных юнцов. Сгоняли в одно место.

Пленение

Теперь по-настоящему пронял ужас. На их глазах гибли те, кто был рядом несколько дней, с кем пили чай и ели сухой паек, кто слушал рассказы «стариков» о Зимней войне, неоправданных зверствах финнов над русскими солдатами, кто был готов мстить за погибших и защищать Родину. Третью их, а может, больше, счет шел на сотни, так и остались лежать в лесу.

Остальных спешно выстроили по двое, многим связали руки спереди, но так, чтобы между кулаками было 10-15 сантиметров, надели на шею винтовки и погнали вперед. От места боя все дальше и дальше. И от станции Идель, где должны были сделать остановку. Всё дальше и дальше. Вагоны сожгли, огонь поднялся выше деревьев.

Час, два, три гнали и гнали, но вдруг встали. Одых был длинный. Хотелось пить. Сменилась охрана. Финские солдаты исчезли. Появились крестьянского вида гражданские, но вооруженные, и у всех были ножи-финки.

К ночи сделали привал до утра. Все спали как убитые, но все-таки чуточку живые.

На следующий день появились лошади. Оружие сложили на телеги. Разрешали и сидеть в телегах, меняться, но за телегами приходилось почти бежать. От железной дороги ушли уже на десятки километров, значит, от дома, от Родины.

Привели к какому-то населенному пункту. Здесь был лагерь пленных. Просто поле, огороженное колючей проволокой с охранными вышками и часовыми за оградой.

Немного соломы, еловых веток для сна. Днем лежать запрещалось. Кого-то брали и уводили на работы, кого-то – допрашивать. Били часто, но

аккуратно. Больным помощи не оказывали. Среди пленных бродили финны, надсмотрщики, которые не давали разговаривать, собираться группами. Смотрители хорошо говорили и понимали по-русски.

Пищи почти не давали, а то, что и приносили, неизвестно из чего сваренное, быстро остывало, котелки забирали. Постоянно хотелось есть.

В лагере никто ничего не знал. Смотрители же «просвещали», называли города, которые взяли немцы и финны. Заключенные больше молчали между собой. Здесь каждый – сам за себя.

Так прошло недели две. Однажды всех построили шеренгами и объявили, что их будут отбирать на работы. Все должны назвать свою мирную профессию.

Между рядами ходили женщина, переводчик, финские солдаты. Когда очередь дошла до Юры из Гатчины, он сказал, что повар и пекарь. Его отвели в сторону.

Рослая финка с властным взглядом, хромым финн с покалеченной левой рукой, солдат-переводчик допрашивали пятерых, отобранных из сотен пленных.

– Чем болееешь? Что умеешь делать? Рабочий? Крестьянин? Большевик? Женат? Дети есть? Откуда? По-фински понимаешь? – сыпались вопросы под колючими взглядами «покупателей».

Ярмарка рабов работала быстро. Несколько партий «присмотренных» пленных ушла из лагеря.

Хельви и Эйно, так звали будущих хозяев, не торопились. Переговаривались, спорили, снова и снова спрашивали пленников. Не ошибиться бы в «товаре». Юра не выдал, что немного понимает их разговоры.

В мыслях никак не укладывалось происходящее. Вся жизнь перевернулась, прежняя исчезла. В новую не хотелось верить, но тычки, удары, окрики возвращали в реальность. Юре хотелось плакать, но он терпел.

На ферме

«Бригаду» из пяти человек, неспешно отобранных, выбрать-то было из чего, привели в сарай, где были поставлены столы. Ароматный суп, свежий хлеб на столе, куски сваренной оленины, от которой шел пар, сломали волю пленников. Их не торопили. Дали даже настоящей трофейной русской водки. Все было неожиданно. Мужики жадно жевали, потом все медленнее. Видя, что остается на столах много мяса и хлеба,

стали прятать куски в одежде, заворачивать в бумагу, промасленную, непромокающую, прочную, специально, видно, приготовленную для такого случая.

Все пятеро совсем растерялись, когда их привели в русскую баню. Они долго парились и мылись.

Желать большего было нечего. После всего этого готовы были умереть счастливыми. Они так и думали, что бог послал им последнюю маленькую радость.

Отдохнувших, выбритых, переодетых в поношенную, но чистую одежду и обувь, привели в дом, усадили и стали заново знакомиться. Иван, Николай, Костя, Антип и Юра. Пришел еще русский, оказалось – переводчик. Он провел беседу-инструктаж. Заявил: хотите остаться живы и жить по-человечески, как сегодня, требуется забыть все старое, привыкнуть к новому. Новое – это дисциплина, работа, много работы, за непослушание – наказание, в первую очередь едой и побоями. Прав – никаких, за преступление – расстрел. Бежать некуда. Не добегите.

Русский говорил четко и ясно. Хельви и Эйно сидели здесь же. Ждали вопросов. Вопросы у русских не было.

На двух телегах, с хозяевами и вооруженным солдатом, неделю добирались до железной дороги, потом быстро доехали до Хельсинки.

Равнодушие ко всему овладело Юрой, он забрался в свою скорлупу и разбирался: как жить, как быть. Дорога помогла понять, но не принять ужасное, произошедшее с ним. Винтовка солдата, нож-финка на поясе, пистолеты у Эйно и Хельви ставили все на место.

У финки была ферма недалеко от города. Все наемные мужчины-работники ушли воевать опять с русскими. Среди многочисленных родственников остались одни женщины, и те сидели по своим углам. Эйно был родным человеком Хельви, двоюродным братом. В Зимнюю войну его ранило. Теперь он был главным помощником на ферме.

Был у хозяйки и муж, но он редко появлялся.

Поселили мужчин в домике невдалеке от хозяйского, но ближе к хлевам и конюшне. Сначала Эйно запирали домик на ночь, но потом, видя мирный нрав пленных, перестал это делать. Да и неудобно. Работникам вставать положено было ни свет ни заря. Скотина требовала большого внимания, и Эйно заставлял работать не за совесть, а за страх. У него была обида, что стал калекой. Тело прошито русской пулей. Хорошо, что не голова.

1941 год заканчивался с тяжелыми думами у русских и радостными у финнов. Эйно просвещал своих «подданных» о взятых городах и поселках.

Юра однажды спросил о Гатчине. Эйно рассказывал, что немцы дворцы взяли.

Юрой Эйно интересовался особо. Оказалось, они воевали друг против друга около Тайполя, но поверил, что Юра не стрелял, а готовил каши.

Работать приходилось много. От рассвета до заката. Эйно следил, если был недоволен, давал пинка, зуботычину, мог и чем попало запустить в нерадивого. Хочешь не хочешь, приходилось подчиняться, делать вид, что стараешься, а то паек, очень скромный, урежут всем.

В домике для русских была плита, на которой для себя готовили сами. Со временем это чаще делал Юра, и все были довольны, потому что вкусно.

Иногда водили в лес по грибы-ягоды. Наслаждение. Юра набирал каких-то трав, корешков, а иногда словит птицу и приготовит потом чудное блюдо.

Брали и на рыбалку. Под присмотром старого финна-рыбака работали до тех пор, пока в мешках не оказывалось пуда рыбы.

Говорят, человек ко всему привыкает. Говорят... Даже в мыслях трудно привыкнуть к неволе.

Юра думал-гадал: что же там – на Родине, в Гатчине, в Питере?

В эвакуации на Урале

Там было тяжело. Лена успела в 1941-м поработать на Лужском направлении на строительстве танковых рвов и заграждений. Потом дали команду собираться в эвакуацию. С собой можно было взять только 30 килограммов необходимых пожитков, но для нее и это было неподъемно. Ребенок, еще не родившийся, запрещал поднимать лишнее.

Лена пристроилась к сестрам. Втроем уехали с детьми на Урал. Перед отъездом с сестрой Юрой, Ксенией, закопали в саду самую ценную домашнюю утварь. Лена кое-как залезла на голубятню, открыла все запоры, но почтари не улетали, а она горько и долго плакала.

Когда состав уходил из Питера, Гатчину уже бомбили.

Ксана осталась в городе и пережила блокаду в квартире на Петроградской стороне.

В Пермскую (Молотовскую) область, под Кунгур, в деревню Малое Голышево привозили бе-

женцев из Ленинграда, Москвы и раненых с фронтов, госпиталей, а из деревни на фронт ушли все мужики.

Всем доставалось по полной. На первых порах деревенские бабы кое-где в штыки встречали беженцев, но в деревню приходили похоронки, и беда сплавивала народ в горе.

Лену подселили к незамужним сестрам Стрыковым. Они в ноябре и мальчика приняли на свет божий. Окрестили Олегом. Жил он с мамой на русской печке.

У сестер Лены были взросленькие дети. У Евдокии два мальчика, у Шуры – сын, но не стало мужа, погиб.

В доме, где поселили Шуру, был еще раненый хохол. Ранение было сквозное в горло. Он жил за счет металлической трубки. Был слаб. Шура выходила его, и он стал ее мужем. Увез потом на берег Днепра, где они родили сына и дочь.

Маленький Алька стал любимцем всех родных. Его баловали как могли.

В деревне жить становилось тяжело. Есть было нечего. К концу 1942 года у Елены и сына развилась дистрофия. Сестры сдавали кровь для фронта, им давали пайки, а у Лены крови не было, брать было нечего, но потом сестры уговорили врачей, кровь взяли.

Спасли Лену и Олега сестры Стрыковы. У них был запас меда, природных ягод, трав и кореньев. Дистрофия отступила. Осталось фото двух людей перед неминуемой смертью. Мать через десятилетия покажет сыну это фото и уничтожит, но он запомнит призрак своей смерти.

У Лены сложилось тяжелое положение из-за того, что муж «пропал без вести». Помощи государства ей не полагалось.

Вторая встреча

На ферму Хельви тоже приходили извещения о смерти родных мужчин. Первый раз это случилось в конце 1941 года. В дом приехало несколько финок. Пришлось Юре помогать готовить пищу. Обычно с этим справлялась одна женщина, помощница Хельви. На этот раз ее рук было мало.

Юра разделявал тушу оленя и думал, что он бы с радостью это делал каждый день, пусть гибнут враги, лишь бы страна его выстояла в битве с навалившимися на нее разными странами. И тут произошло неожиданное. На кухню пришел щеголеватый пожилой мужчина, стал интересоваться, что готовят на стол в печальный день. Когда

он увидел мясо оленя, прищелкнул языком, будто уже почувствовал вкус будущего блюда. Взгляд его упал на повара. Ярно замер. В колпаке, фартуке Юра был таким, как и тогда, когда он его кормил голодного и злого. Их взгляды встретились... Финн прохрипел: «Ты?»

Через день усадьба опустела, Ярно пришел в сарай, где Юра готовил пойло свиньям. Ярно долго молчал, вспоминая свой плен. Уходя, сказал: зайди в дом потом.

Когда Юра пришел, финн был под градусом. Долго говорил по-русски, рассказывал, как он служил в русской армии, где воевал. Расспрашивал Юру. Узнав, что тот из Гатчины, оживился. Ярно там служил и погулял.

Разошлись поздно. У Ярно шевельнулась какая-то неясная мысль об использовании пленных в возвращении кладов.

Ярно не одобрял политику Финляндии и Маннергейма в отношении России, СССР. Кто знал Россию изнутри, съел много соли за одним столом с русскими солдатами, видел столицу и глубинку земли русской, тот не мог одобрять творившееся сегодня и до этого. Почему не понимал этого Маннергейм? Разве мало было Финляндии автономии в Империи? Маленькая страна стала по сути самостоятельной, ушла от шведской зависимости. Финляндия поднялась и окрепла. Но дальше-то, в 1918-м, зачем призывать немцев на помощь? И во второй раз с немцами завоевывать Россию и мечтать о Финляндии до Урала?

Для Ярно годы с 1918-го по 1940-й были неплохими. Он пользовался выпавшей удачей, хотя и опасался последствий, но они пришли разве когда он попал в плен. А так все неплохо получилось. Сильно разбогател. В средствах не был ограничен, мог многое себе позволить и позволял на просторах Европы. Иногда заглядывал к жене, которая трудилась на благо своих многочисленных родственников.

После отъезда Ярно Юра почувствовал, что Хельви и Эйно как-то помягчели к русским работникам. Юру чаще стали звать на кухню, в дом. Хельви хвалила его умение готовить. Юра думал: было бы из чего. Вспоминал, что в домах поваров в Гатчине, и у отца, часто собирались гости, которые должны были угадать, из чего приготовлено то или иное блюдо. Высшим пилотажем было угодить вороной, подав как рябчика, и другие фокусы в этом духе.

Шел 1942 год. Что-то стало меняться в Финляндии. Ко всем трудностям добавилась тревога: русские перестали отступать. Тревог у финнов

прибавилось к тем трудностям, что были с продовольствием, нехваткой рабочих рук. Потом бомбардировки Хельсинки. Что-то будет дальше?

«Простите!..»

Сильные русские мужики не могли привыкнуть к новому образу жизни, не могли смириться. Между собой об этом не говорили, но искали, изобретали фантастические планы побега и даже убийства хозяев. Это выливалось в нежелание работать, хандру, потерю сна, в упрямство.

Они должны воевать, они предатели, работая на врага, – так думал каждый.

Однажды Иван не захотел идти на работу, остался в домике, улегся на постель в одежде. У Эйно тоже не заладилось с настроением. С советских фронтов шли плохие вести. Русские опомнились от поражений и начинают воевать так, как умели века.

Не обнаружив Ивана на работе, Эйно побежал в дом. Обрушился на работника с руганью – Иван не пошевелился. Финн схватил табурет и неудачно запустил его в Ивана. Снаряд вернулся и врезался в Эйно. Иван поднялся, началась драка, но русский солдат стеснялся ударить по-настоящему финна-инвалида, а тот бил и бил. Иван отмахивался и уже ринулся к двери, а Эйно выхватил пистолет и выстрелил Ивану в ногу. Хотел, чтобы рана была там, где и у него.

Иван заболел, рана не заживала, его никто не лечил. Настроение у пленного было тяжелое, он жалел себя, своих друзей, не видел выхода из ситуации.

На работу не ходил, но однажды ребята его в домике не увидели. Стали искать. Нашли в сарае, в прочной петле.

Под подушкой лежала записка: «Ребята, простите. Я не могу больше».

После ухода Ивана, в прежней жизни рабочего леспромхоза под городом Олонцом, неженатого, остались мать и отец. Узнают ли когда-либо о сыне? Будут ждать весточки до самой своей смерти...

Терпеть и выжить

О смерти Ивана оставшиеся молчали, но глаза их горели злобой. Эйно опасался бунта, поджога, нападения. Возможно было любое. Он примерял случившееся на себя. Вел себя с батрака-

ми осторожно, порой даже заискивающе.

Юра пытался вспомнить что-нибудь о пленных воинах, но кроме того, что пленные шведы, французы частично приживались в России, ничего в памяти не обнаружил. А он мог бы остаться в Финляндии, прижиться? Нет, нет и нет. Он может только там, в Гатчине, в Ленинграде. Картины родного края, родные люди приходили по ночам и говорили, что ждут его дома. Снились голубятня, почтари и... сын. Да, у него есть уже сын. Это он знал наверняка. И ему уже год от роду. Как его зовут? Да просто сын... И тогда он засыпал, под утро, с улыбкой.

Вставал, подбадривал друзей, шутил. Надо терпеть, ждать, надеяться на лучшее. Он не мог подвести сына, его же надо вырастить, а до этого выжить, как бы мучительно это не было.

На обеде объявил всем, что у него родился сын. Друзья поздравили и подарили кто что, из своих поделок. Антип очень любил лошадей, за которыми ухаживал. У него были и деревянные лошади, вырезанные из сосны или сучьев. Лошадь, деревянная, маленькая, очень понравилась Юре и, конечно, сыну.

Костя подарил алюминиевое колечко, а к нему привязал колокольчик. Николай, зная, что Юра любит голубей, смастерил из перьев какую-то загадочную птицу.

С того дня усталые от постоянной работы в минуты отдыха стали рассказывать о себе и своих родных людях. Это была отдушина от давящего рабства и унижений.

Дуэль

В тюрьме время замедляет свой ход из-за однообразия вокруг. Финская неволя была хуже тюрьмы. Срок пребывания не был определен и вообще неизвестен.

Зимняя война шла недолго, а эта длится уже два года. Все устали. В Финляндии стали задумываться, чем все это кончится для страны, для людей.

Ярно почувствовал, что окончание войны принесет много бед его стране. Надо готовиться. Первым делом сыну-юнцу он открыл в общих чертах тайну кладов. Пообещал дать карты и подробности схронов.

Стал искать подходы к новой экспедиции по озерам. Там сейчас финские войска. Это облегчает дело. Он может еще раз попросить Маннергейма оказать содействие. Первый раз Ярно об-

ратился к Маннергейму, когда понадобились работники на ферму в 1941-м. Идея была хорошая, и Маннергейм указал на лагерь военнопленных. Вскоре всех пленных солдат Красной армии превратили в бессловесную рабочую скотину. Лукавя в своих мемуарах, писал, что заботился о пленных, не как немцы, и даже прибавлял пленным красноармейцам паек.

Ярно размышлял так: дать двух-трех солдат, оказать помощь транспортом маршал безусловно может. На автомобиле подъехать к Кякисалми, Питкяранте, Петрозаводску, а там на лодки, на воду. Сколько же надо людей? Вот если взять пленных да солдат – это уже солидно.

Ярно приехал на ферму, узнал, что одного пленного не стало. Долго ругался с Хельви и Эйно. Потом вызвал Юрия. Знал, что того уважают остальные солдаты. Начал разговор издали. Что думает Юра об окончании войны, что он будет делать, как жить? Гатчина разрушена, Ленинград пострадал.

Юра растерялся, он не понимал, к чему ведет финн.

Затем состоялся второй разговор, через день третий. Когда совсем смущенный Юрий прямо спросил, что хочет хозяин, Ярно убил его фразой:

– Знаешь, Джордж, я могу тебя сделать богатым и твоих друзей. Я знаю о царских кладях, их легко достать. Поможете мне – не пожалеете.

Было о чем подумать, но Юра ни слова не сказал товарищам по несчастью. Пока были только разговоры.

Осторожность в чужой стране с бывшим офицером и, видно, большим пройдохой, не помешает.

Не успел Ярно осуществить свои планы, как к нему пришли. А он уже и не ждал.

Все страшное случается неожиданно.

Ярно в этот день был в своем доме в Хельсинки. Без стука открылась дверь его комнаты, вошел молодой мужчина. Второй остался за дверью.

Человек сел напротив опешившего офицера в халате:

– Я сын капитана. Он благодарит вас за хорошую оплату его работы.

Молодой человек помолчал.

– Но этого мало. Предлагаем вам поделиться с нами, приплатить немного.

Ярно соображал быстро. Видно, эти ребята уже проверяли обозначенные места, но ничего не нашли. Их можно припугнуть. Кстати, почему не на фронте?

– Я подумаю, – сказал Ярно. – Вас найдут, а те-

перь... до встречи.

Ярно встал и подошел к комоду, где лежал один из пистолетов.

Молодые люди ушли. Офицер размышлял: к кому обратиться, чтобы разобрались с гостями, которых ждать перестал.

Не прошло недели, в дом так же неожиданно появился еще один человек, постарше и посolidней. Он не представился.

Сел, подождал вопросов, на которые не отвечал, а потом не торопясь произнес:

– Вам привет, Ярно, от господина Кудасова.

Фраза может убить. Ярно сжался, зрачки расширились. Через минуту он мог с трудом вымолвить:

– От Кудасова?

Далее разговор был недолгим. Пришедший, не назвавшийся, попросил подготовить отчет: где что лежит и сколько, чтобы свериться с отплывшим из Петербурга. Учет-то был. Попросил приготовить планы, карты, схемы для встречи, на которой надо обсудить план действий. Напоследок сказал, что с детьми капитана все улажено.

Говорил он по-русски, иногда сбивался на немецкий и английский, в репликах.

– Итак, завтра, здесь же, Ярно, – сказал настырный собеседник.

– Нет, нет, – попросил Ярно, – давайте на ферме.

– Хорошо, – бросил нежданный человек и вышел.

Финн анализировал последние встречи. Решил ничего не скрывать, отдать часть сокровищ, если найдут. За помощь в поиске попросит хорошо заплатить.

Приготовив все схемы, карты, перечень ящиков, приехал на ферму и лег спать в своей отдельной комнате.

Он недооценил всей опасности положения. Его отслеживали давно, знали о нем и экспедиции почти все.

В ту же ночь Юра из Гатчины не мог заснуть. Тоска давила, беспомощность обезоруживала. Иногда он представлял, что ему дали свободу и он оказывается на фронте и стреляет, стреляет тех, кто напал на страну, на него лично, и отнял все, что было дорого.

Ночь тянулась и тянулась. Юра вышел на улицу. Скоро рассвет. Он не замечал холода и ничего вокруг.

В это время в хозяйский дом вошел человек. Беспрепятственно прошел в комнату к Ярно, достал пистолет и разбудил должника. Тот спросонья таращил глаза на пистолет.

– Зовут меня Илья. Я только посредник, работаю за деньги. Чем больше добуду, тем больше получу. Тебе, Ярно, тоже заплатят, если вести будешь себя хорошо, – заявил уже знакомый Ярно искатель сокровищ.

Он дождался, когда Ярно придет в себя и оденется. Они сели за стол. Финн подробно все рассказал, упустив трату золота и серебра с острова Коневец. Недостачу он спишет на время и еще что-нибудь, например, расторопность монахов. Всем жить надо.

Появились три карты армейского образца, вернее, часть от карт большого масштаба. К каждой схема, пояснения на финском. Илья спрашивал, уточнял, все было понятно. Без этого толкования, где что укрыто, найти не удалось бы ничего. Места знали через капитана и на местность уже выходили – безрезультатно.

Часа два шла беседа. Ярно уже все собрал в кожаное портмоне, которое и в хороший карман поместится. Вроде все оговорили. Ярно дал согласие ехать за сокровищами.

– Тогда до встречи, – сказал Илья. Встал, собираясь уходить, но вдруг вернулся от двери, нагнувшись к Ярно, брызнул ему в лицо какую-то жидкость, уложил потерпевшего на кровать, нашел портмоне, плотно застегнутое, и вышел из дома.

Юра, вдруг заметив незнакомца, удивился, час-то очень ранний. В это время на крыльце появился Ярно с пистолетом в руке. Очевидно, незнакомец услышал скрип двери, резко повернулся, выхватил пистолет. Два выстрела слились в один. Ярно опустился на крыльцо, а Илья, с пистолетом в руке, как-то странно двинулся вперед, быстро, зигзагами скрылся между сараями.

Юра почему-то побежал за незнакомцем. Вскоре нашел его у стены сарая. Кровь сочилась из груди. Пистолет валялся рядом.

Они смотрели друг на друга. Через силу Илья спросил:

– Ты русский?

Он не ждал ответа. Он знал все про Юру.

– Подойди. Я умру, – с тоской, угасающим голосом произнес искатель больших денег. Он достал из кармана пальто портмоне, протянул Юре.

– Здесь царское золото. Найдешь...

Протянул Юре документы, вздохнул и... ушел в вечность.

Минуту Юра думал: может, и пистолет взять? Потом метнулся в избушку. На крыльце хозяйского дома сутились люди, его не заметили. Солдаты спали.

Он тоже лёг, но его стала бить дрожь не от хо-

лода. Он попал в какую-то непонятную реальность. Зачем, почему, что делать? Юрий оделся, пошел искать работу, плохо ориентируясь в неожиданно перевернувшемся мире.

Жизнь непредсказуема. Ярно умер к вечеру, в больнице.

На прощание с бывшим другом и офицером приезжал маршал Маннергейм. Беседовал с Хельви, спрашивал о документах, оставшихся от Ярно, беседовал о чем-то и с сыном Ярно. Ни Хельви, ни сын ничего толком не знали, но документы продолжали искать.

Были обыски и допросы всех, кто был в момент «дуэли» Ярно и Ильи на ферме. Все как-то быстро стихло, как будто забылось. Повлияли бомбардировки Хельсинки. На ферме это хорошо слышно. Сюда прибежали женщины и дети, пострадавшие от бомб родственники Хельви. Были и раненные.

У русских батраков не было радости от этого, только сострадание и даже желание как-то помочь хозяевам.

Юрий пилил бревно двуручной пилой. Не очень удобно это одному. Во дворе гулял мальчик. Он подошел и долго молча изучал процесс пиления. Потом что-то сказал Юрию, взял вторую ручку пилы, стал тянуть пилу на себя и поглядывал на взрослого. Так и распилили бревно. Мальчишка убежал, подпрыгивая и смеясь, а Юрий говорил ему вслед: «Молодец, спасибо!» Потом он сидел в сарае и плакал.

Советские самолеты летали и над фермой. Эх, если бы крылья, да с ними лететь домой...

«При попытке к бегству»

Опять случилось непонятное. Хельви, как и Эйно, приказывала пленным русским делать все, что требовалось. Кроме ухода за лошадьми и коровами, надо дрова заготавливать, солить рыбу, варить, сушить, доить, сажать, снимать, стирать и так далее. Иногда что-то и в доме надо передвинуть, но редко. После смерти Ярно почему-то Николая стали часто в дом звать. Статный, лицом красивый, но не русской красотой, а какой-то, может, греческой, он выделялся гордым профилем. Сразу обращал на себя внимание. Портил его только грустный взгляд, обреченность, а порою злость.

Вечером на отдых времени оставалось немного, да и постирать, побриться надо, а там и скорее спать, спать. Куда-то вечером пропал

Николай, забеспокоились Антип и Костя, но Юра успокоил – у Хельви он. По этому поводу долго не спали, но не дождались, уснули. На следующий день ничего не спросили у друга, а он ничего не сказал. К его походам привыкли. Каждый сам за себя.

На ферму заявили офицер и гражданский. По душу пленных. Первый вопрос:

– Жалобы на хозяев есть?

– Как умер Иван?

– Хватает ли еды?

Все подробно записывал гражданский, а зачем, не пояснил.

Как-то Эйно стал рассказывать, как идёт война в Европе, и сделал вывод, что скоро немцы отдадут и Берлин. Русским помогают Америка, Англия.

– Будете и вы дома, – вздохнул инвалид.

Надежда на это у солдат всегда теплилась в душе, но теперь начались зримые изменения, жаль, что информации о советской армии было у них мало.

Все произошло без какой-либо подготовки. Пришел человек с винтовкой из добровольных помощников финской армии, поговорил с Хельви. Эйно пошел запрягать бричку. Хельви собрала русских работников.

– Вы едете домой. Рада за вас. Спасибо за работу. Финляндия выходит из войны.

И все. Как гром с ясного неба. Сборы были недолгие. Собрать нечего, разве что пролитые слезы.

Поехали к Хельсинки, но почему-то не прямо, а в какой-то объезд. Ехали молча на бричке и телеге, в которой сидели Николай и вооруженный человек. Через полчаса остановились в лесу. Николай и солдат куда-то пошли. Не было долго. Потом резко хлопнул выстрел. Доброволец с винтовкой вернулся один. По-фински сказал Эйно: «При попытке к бегству...» Повернул телегу и уехал.

Остались трое и Эйно. В Хельсинки пленников влили в команду побольше. Были рабочие с ферм, заводов, лесозаготовок. Привезли на поезде в небольшой городок Энсо. Перед тем как отправить, провели беседу. Предлагали добровольно остаться в Финляндии. Пугали: «Вас дома ждет Сибирь и расстрел...»

Не на фронт, а на комбинат

Старинный финский городок стоит на берегу Вуоксы, полноводной реки, бегущей к Ладоге из финских озер. Здесь поставлена электростанция, которая питает целлюлозно-бумажный комбинат.

На советской земле бывших солдат, конечно, ждали. Проверяли по спискам.

Солдаты еще не верили в освобождение, но все время улыбались. Выдали новые кирзовые сапоги, портянки, постиранные гимнастерки, другую одежду по форме Красной армии. Вместо шинелей – ватники. Их иногда называли «фуфайки». Переодевшись, все повеселели и уже гордо поглядывали друг на друга. Но что будет дальше?

Городок война не тронула. Застроен он был аккуратными двухэтажными домами. Целую улицу заселили прибывшими из плена. Назвали ее улица Первая. Всех пока приравняли к военнослужащим. Все подали заявления с просьбой отправить их на фронт. Заявления принимали, но ждало их другое.

В семь утра с улицы Первой шел батальон на работы на комбинат. Было разъяснено, что надо быстро запустить завод в работу.

Прибывали из Ленинграда инженеры. Им ответили благоустроенные дома рядом с заводом. Дело шло, работала электростанция, на биржу стал прибывать лес, балансы, пища для цехов. Бумага, картон, целлюлоза были очень нужны стране.

Юра не верил, что после трех лет все закончилось. Информация о том, что произошло в стране за три года, ловилась на лету от офицеров. Не успевали отвечать те на вопросы на специальных беседах.

Разрешили писать письма, советовали отправлять треугольнички, чтобы вскрывать было легче. Выехать в Ленинград, всего-то 150 километров, не разрешалось. Служба.

Первое письмо Юрий отправил сестре, на Петроградскую сторону. Очень обрадовался – через неделю от нее пришел ответ, а его письмо уже летело на Урал.

Не верилось, казалось, что это очередной сон. Поверил только тогда, когда сел на берегу Вуоксы с удочкой и, на удивление, быстро наловил плотвы и окуней.

Значит, не сон.

Тревога за будущее была. Как там сын, жена? У него действительно есть сын, и он уже говорит. Юра ждал письмо от Лены. Она умудрилась из Кунгура дать телеграмму: «Выезжаем». И снова не верилось.

Его вызвали через неделю в штаб и направили

на работу в столовую, которая обслуживала ИТР. Так звали специалистов.

Работать надо было сутками и ночами, чтобы к утру было свежее питание. Он старался, вспоминал отца.

Не все радовало. Ксения сообщила, что дом отца сгорел и голубятня. Осталась баня.

Фильтрация³

Известно, что в ответ на обращение Международного Красного Креста, предложившего помощь пленным Красной армии, находившимся в лагерях, Сталин ответил: «У нас нет пленных, у нас есть изменники».

Снова поселился страх. Стали солдат по двое-трое возить в Выборг. Все должны пройти фильтрацию. Существовали фильтрационные лагеря. Не все из Выборга возвращались в Энсо – Светогорск. Те, кто вернулись, рассказывали о процедуре, вопросах, беседах следователей. Интересовались абсолютно всем: как попали в плен, что происходило у финнов, где, когда, мелочами и нюансами. Затем делали выводы: предал ты Родину или нет. Достоин ли вернуться к советской жизни или в лагере будешь трудиться на общую пользу годы, опять в плену, хотя и советском.

Антип, Юра и Костя встречались. Жили в соседних домах на улице Первой. Обсудили, что говорить, что нет. Скрывать-то, в общем, нечего. Прошлое не изменить.

Про Ярно, убийство его, Антип и Костя ничего не знали толком. Юра не доверился им там, в Финляндии. Тем более они не знали о передаче Юрию документов большой ценности. Юра внимательно всматривался в лица друзей по несчастью: «А может, что-то знают?» Нет, он бы понял.

Началось мучение. Он знал, что его тоже скоро вызовут. Он не скажет, что у него сестра во Франции. Уехала до первой войны, он с ней не переписывался.

Что делать с документами? Плохо представлял их ценность, а в царское золото и не верил. В то же время как может измениться его жизнь, если он скажет? Лучше не рисковать. Работать не дадут, будут долго допрашивать. Он чувствовал одно: большое богатство – большое зло, смерть.

Вот и его очередь пришла ехать в Выборг. Допрашивали двое. Иногда сбивали с ответа, спрашивали об одном и том же специально.

Юра скрыл, что познакомился с Ярно в 1940 году, что беседы тот вел заманчивые, но не совсем понятные. Вряд ли он мог чем-то помочь Ярно.

Юрий понимал, что опасно все скрыть, но открыться – тоже добра не жди. Затаскают.

Фильтрацию он прошел. Наверное, правильно сделал. Про Эйно, Ярно, Хельви выпрашивали долго, особенно непонятно им было, почему Маннергейм знал о Ярно. Даже третьему следователю пришлось говорить о Маннергейме.

Все трое, бедолаги Хельвины, благополучно пока прошли фильтрацию и вернулись в Светогорск.

Из тонкой жести Юрий изготовил маленький плоский «сейфик», плотно закрывающуюся коробку. В промасленную бумагу завернул документы и надежно спрятал. Он чувствовал, что тайна несет смерть. Её надо отодвинуть, он еще и сына не видел...

К мужу

Финский городок Энсо остался навсегда на советской стороне с 1944 года. Здесь, на окраине города, прошла советско-финляндская государственная граница. Энсо переименовали в Светогорск.

В 1944-м добраться сюда было непросто – запретная зона, пограничная. Только по специальным пропускам. Да и до сих пор так.

Без денег, в изношенной донельзя одежде, слабая от голодной жизни Лена пустилась в путь. Перед отъездом из простого мешка сыну сшили длинную рубаху, а местный деревенский дед смастерил ему настоящие маленькие лапти.

Поехали налегке. Брать с собой было нечего, кроме большой эмалированной кружки еще из Гатчины.

С Урала шли воинские эшелоны. В них и добиралась Елена к мужу. Солдаты помогали, мальчишку угощали сахаром.

Здоровья у Лены не хватило на всю дорогу. Заболела. Дотянула до Тулы. Здесь жила жена брата Алексея. Подлечилась. Остро были нужны деньги. Купили мешочек семечек, и Лена пошла на базар торговать. Стоит, держит маленький стаканчик в руках, ждет покупателей, а их нет. Глянь, а мешочка, что стоял у ног, уже и след простыл.

Наревелась Лена и пошла к сыну.

Путешественники двинулись дальше. В Москве нашли адрес женщины, которая была в деревню эвакуирована, но вернулась домой раньше Лены. Женщины подружились.

Подошла к двери, нажала звонок. Дверь откры-

ли... и сразу стали закрывать:

– Нечего подать. Самим есть нечего.

Лена тянет дверь и кричит:

– Я же Ленка, из деревни.

Обнялись и наплакались эвакуированные.

Нужен был пропуск в Светогорск. Пробились к военному чину, тот выписал пропуск и прямо в кабинете накормил белым хлебом с маслом мальчишку.

Встреча в Светогорске

Трудно описать встречу двух людей, которые три года редко надеялись когда-либо свидеться вновь. Смерть ходила рядом, но встретились. Долго не могла прийти в себя и поверить случившемуся счастью. С тех пор всю жизнь они счастливо улыбались друг другу и в радости, и в трудное время.

Солдата демобилизовали.

Жили в деревянном финском доме на улице Первой. Квартира была просторная, на первом этаже. Завели куриц, козу Майку, собаку, кроликов и голубей.

Жизнь радовала. Рос сын, родилась и дочь Вера.

Юра считался специалистом и получал неплохую зарплату в столовой. Лена работала секретарем в дирекции комбината.

Счастье не было долгим. Однажды директор столовой пригласил Юру в кабинет и сокрушенно сказал ему, что надо подать заявление о переводе на другую работу. Юра не спросил почему. Знал ответ.

Его ждала лесобиржа.

Сын пошел в первый класс.

Прижились в Светогорске, хотя вспоминали о Гатчине. Собрались как-то и втроем добрались туда. Пришли к дому, а дома нет. Пепелище. Зашли в баню, превращенную в квартиру. Вся посуда, утварь была из их дома.

Посидели, погоревали, уехали. В Гатчине жить Юре из Гатчины не позволялось. Это не 101-й километр.

На границе – не положено

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов миллионы людей попали в плен или оказались на оккупированной территории. После войны они оказались неполноценными людьми. Подозревались в предательстве Ро-

дины. Не только подозревались, но жестко преследовались и их дети тоже, до самой смерти Сталина. Позже тоже не забывали их «неблагонадежность» при допуске к секретным работам да и в других случаях.

Репрессивная система СССР была изощренной и беспощадной. Трудно оценить ущерб от этой жестокости государства, строящего коммунизм. Ущерб выявится при развале СССР.

В 1949 году семью Юры из Гатчины снова пнули. В приказном порядке выселили в город Медянск Кировской области на целлюлозно-бумажный комбинат.

Здесь волей режима оказалось много людей. Например, дружили с семьей украинцев из Запорожья, которые попали под немца.

На Вятке-реке ловил рыбу Юра с сыном. Хорошие были уловы, даже стерлядь попадалась, но хотелось поближе к родным, к Ленинграду.

Иван, брат Лены, работал в органах, в Большом доме на Литейном. Ему удалось добиться переезда сестры с мужем под Лугу в совхоз «Скреблово». Совхоз был не совсем обычным. Выращивал клубнику, малину, яблоки, розы. Скорее Лена сидела в большом сарае. Женщины отбирали яблоко за яблоком, заворачивали каждое в особую бумагу и осторожно укладывали в ящики. На возвышении стоял самый настоящий надзиратель с винтовкой и зорко следил за работой. Так приказано было. Яблочки увозили в Ленинград, в Смольный и по другим важным ведомствам.

Семья Юры воспряла духом, а глава семьи даже построил голубятню. Привез на берег озера Черемонец красавцев голубей.

В Питер можно было иногда съездить и пообщаться с родными.

Сын из Луги даже самостоятельно пробирался в Ленинград и бегал по кинотеатрам. Он очень удивился тому, что взрослые люди плакали при известии о смерти Сталина.

Отделение совхоза называлось «Красный Октябрь», располагалось в бывшей дворянской усадьбе. Работали здесь люди разных судеб и возрастов. Были осужденные и отбывшие наказание воры и те, что под немцем были. Общее было одно: в Ленинград нельзя. Живите на 101-м км.

Юра не боялся никакой работы, но он был гордским человеком, и на селе ему не нравилось.

Один случай заставил Лену и Юру постараться уехать из совхоза. Юра работал часто на лошадях. Был один здоровый немецкий трофейный конь

Гром. Он всю войну таскал пушки, а когда его ранило, боялся даже грома. Юра один раз попал под гром с Громом. Битюг разнес телегу вдребезги, летел не глядя куда. Юра чудом уцелел.

Росли дети. Сын ходил в школу за 7 км. Надо было что-то решать с дальнейшей жизнью.

Снова в Светогорск

Система репрессий ослабла. Семье удалось вернуться в Светогорск. С получением квартиры много пережили мучений. Маленький город был переполнен, жилья не строили. Семья ютилась за городом, потом перебралась в тот же двор, на Первую улицу, и жила в сарае, затем на чердаке дома.

Юрий снова пошел на лесобиржу, Лена в школу – уборщицей.

Ребята учились хорошо.

Тайна Ярно никуда не ушла, но стала какой-то нереальной. В рамки текущей жизни не укладывалась.

Юра часто садился у окна, нарезал батон, намазывал маслом, пил сладкий чай. Вспоминал, как три года недоедал, рад был и свиному корму.

И еще. Кормил голубей прямо из окна квартиры, диких сазанов.

Он думал. Жена не знала тайну. Юра боялся кому-либо сказать об этом. Потом пришло решение: он расскажет Ивану, брату жены, тому, что служит на Литейном.

Какая-то черная тень убийств была в этой истории. Юра не успел съездить в Ленинград, как пришла плохая весть – Ивана застрелили в командировке, инсценировав самоубийство. Видно, майор много знал такого, что и после смерти Сталина лучше не знать.

Годы шли. Решения и решимости не было.

Сын поступил в Выборге в техническое училище, выучился на электрогазосварщика. Служил в армии. Учился в университете.

Дочь окончила топографическое училище в Ленинграде и теперь – то в Казахстане, то на Камчатке и даже на Кубе.

Финны тоже порадовали. Первую улицу и бараки на Красноармейской в Светогорске снесли, а на их месте выстроили высотные дома. Юру с Леной поселили на первом этаже. Они часто принимали ванну. Туалет тоже был в доме. Не верилось. Скучали по улице Первой, где были счастливы и без удобств в доме.

Прошли десятки лет после окончания войны, а

Юра до мелочей помнил день, когда он вступил в Энсо, когда навсегда ушло финское рабство. Он, как и жена, спокойно относился к чиновничьему унижению, лишению прав. Они привыкли жить от «получки до получки», занимать в долг у соседей, работать, работать, работать, чтобы вырастить детей. Они радовались жизни. В праздники собирали застолье с соседями, пели песни, много и хорошо. Плясали. Ах, как душевно пели под трофейные немецкие аккордеоны!

Лучшим отдыхом были походы в лес, на рыбалку.

Иногда Юра раскладывал медали. В 1968 году ему вручили первую медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Учреждена награда была 7 мая 1965 года, но в тот год ему ее не вручили. Наверное, не положено, хотя был ведь на двух войнах, не виноват, что в плен попал на второй, а на первой не убили.

В 1968 году в ноябре вдруг вручили медаль. Дело было в том, что жена написала письмо в Президиум Верховного Совета СССР, спросила, положено или не положено? Будут ли дальше унижать бывших солдат? Ей ничего не ответили. Очень щепетильный был вопрос, но решили положительно.

К 1990-м годам воинских юбилейных медалей у Юры уже пять набралось и трудовых одна – знак «Победитель социалистического соревнования 1974 года» от коллегии Минбумпрома и президиума ЦК профсоюза рабочих Минлесбумпрома.

Никогда медали Юрий не надевал. Считал – не заслужил, а вот орден Отечественной войны II степени, врученный к 40-летию Великой Победы на торжественном собрании в рабочем коллективе, прикрепил к пиджаку. Молодежь с уважением смотрела на дядю Юру.

С сыном Юрий никогда, ни разу, не говорил о войне. Он чувствовал, что и сын деликатно не задавал вопросов о плене, Финляндии.

Юсси идет по следу

Мучило одно. Как же быть с документами Ярно? Юрий немного разобрался со сведениями в них. Один раз как-то добрался до Приозерска, понял, что все рядом и достижимо. Погулял по острову Коневец.

Вскоре решился.

В очередной приезд сына сообщил ему всё, что знал о кладках.

Сын молчал сутки, осмысливал невероятное.

Спросил отца: «За тобой следили?» Юрий рассказал: как только в Светогорске появились финские строители, один «специалист», якобы случайно, познакомился с соседкой по дому, карелкой. Задарил ее импортными вещами, выпрашивал всё о соседях. Юрий однажды столкнулся с любопытствующим финном. Тот сразу ему кого-то напомнил. Кого-то из прошлого. Незнакомец был лицом похож на Ярно. Да, это был его сын, Юсси.

Много лет он искал потерянный след. После убийства отца следствие вели недолго, поверхностно. Искали документы. Юсси знал какие. В сейфе отца и нигде дома они не обнаружили. Немного позже Юсси сам повел поиск. То, что он нашел, его ошеломило на всю жизнь. Тайный сейф отца, о котором никто не ведал, немалый сейф, набитый бумажными ассигнациями европейских стран. Это была мелочь. Еще сотни и сотни золотых и серебряных монет обеспечивали нашедшему безбедное будущее. Они были рассортированы, очевидно, по стоимости, в небольшие мешочки.

Радость быстро прошла. Отец говорил о множестве ящиков с ценностями. Они могли быть у Юсси...

День за днем вникал в быт фермы сын Ярно. В результате пришел к выводу, что документы попали к русским. Они подозрительно долго спали, хотя во дворе звучали выстрелы в то роковое утро.

Сначала подозрение пало на Николая, которого позже убили, но и эту загадку Юсси разгадал.

Юрий тоже попал под подозрение. Зачем он вернулся в Светогорск, когда мог бы оставаться и в совхозе под Лугой жить?

Контроль за Юрием и его сыном Юсси не прекращал. Когда началось строительство Костомукшского ГОКа, Юсси побывал и там, где журналистом работал сын Юрия. Журналист удивился, что один из переводчиков с финского на русский очень назойливо «изучал» его жизнь, часто встречаясь с ним.

Обо всем этом перемолвились отец и сын.

Уезжая, Олег забрал документы Ярно. Обнял отца и сказал: «Разберемся!»

На этом, наверное, можно и завершить грустную историю о Юре из Гатчины.

Впрочем, не совсем грустную. Юре и Лене повезло. Они выжили, выстояли. Борьба была не напрасной.

Жизнь Юры и его семьи нетипичная для типичного человека первого поколения граждан, выросших после революции. Так жили, и порою

страдали, миллионы советских людей. Они часто и не думали обижаться на власть и Сталина. На этих людях держалось и процветало могущественное государство.

Их дети прожили в более спокойное время, но все испортила опять революция, буржуазная, капиталистическая. Бог знает, как ее назовут в будущем, смахнувшую СССР в небытие.

После новой революции в России детям и внукам тоже пришлось «выкручиваться», как после войны. Давайте заглянем в их жизнь, ненадолго.

Кладоискатели

Началась новая история «царских» ценностей в духе самого настоящего детектива о кладах, но завершилась быстро, потому что к делу необычному подошли по-научному.

Кладоискательство во все времена манило многих людей, а еще больше писателей – сюжеты-то острые. В советское время интерес к кладам не только не пропал, а возрос. Тысячи и тысячи людей ищут то, что предки схоронили. Чаще всего найденные клады снова исчезают – невыгодно находки оглашать.

На армейской службе Олег подружился на всю жизнь с Валентином. Их многое сблизило. В первую очередь любовь к поэзии, литературе. Валентина нельзя было не любить. Он был талантлив как художник, спортсмен-баскетболист и артист. Мог читать Блока на память часами. Любили солдаты и Евтушенко, Галича.

Много воды утекло с армейской поры. Валентин стал кандидатом философских наук, преподавал в Ленинградском университете.

Вот к нему и приехал в Репино Олег. Дождались брата Валентина, Игоря, тоже умного, рукастого, по образованию химика. Стали изучать возникшую проблему.

Существуют ли клады на самом деле? Времени прошло ого-го! Наверное, их давно извлекли.

Документы перевели на русский. Купили подробные топографические карты. Проверили готовность к работе фотоаппаратов. Купили мощный бинокль. Заказали в 1,5 метра длиной стальные щупы. Приготовили неброские сумки, рюкзаки, веревки, миноискатель.

Второй этап начался в Приозерске. По одному, как туристы, гуляли в городе, интересовались семьей Пугачева, а в музее кладами, какие нашли в окрестностях города. Освоив город, по одному перемещались на Коневец, на территорию

Коневского монастыря. Все было доступно. Плавали у острова и на лодках.

Настал день Икс. Приехали все врозь. Один с биноклем издали следил за братьями и теми, кто может помешать поиску.

Изучение пометок Ярно в документах позволило точно установить, что осталось два схрона на глубине около метра. Ориентиры, приметы с первого опускания привели к успеху. Щуп наткнулся на ящик. Прошли еще с миноискателем вокруг.

Есть золото!

Братья достали саперные лопатки из сумок, позвонили Олегу, что приступают к вскрытию. Поблизости никого не было. Лихорадочно рыли. Земля слежалась, и дело шло не так быстро. Когда подняли ящик, братья были насквозь мокрые от пота. Быстро взломали доски, дальше брезентовый мешок, прорезали небольшое отверстие. Руки дрожали. На ладони кандидата философских наук лежал желтый кружочек золота... Мужики смеялись и плакали...

Быстро зарыли пустой ящик. Монеты разложили в пакеты и в три сумки. По одному, оглядываясь, стали удаляться от места событий, порожденных давно забытой революцией. Третью сумку передали Олегу. Инструмент оставили на острове.

До Ленинграда и Репино добирались по одному поездом, автобусом. Драгоценности в одно место не привезли. Конспирация.

Пересчет и учет монет, систематизация, изучение по справочникам, в интернете удивляли, настораживали. Стали брать химические пробы монет, разбираться в их подлинности и ценности. Все было подлинное и очень ценное. Золото в монетах уже дороже самого металла, а с годами и веками удваивает и утраивает свою ценность.

Чем только не занимались до этого братья, чтобы иметь побольше знаковых бумажек. Революция заставила.

Освоили ювелирное дело. Изготавливали перстни, которые поражали необычностью. Серьги, кольцо – все научились делать со вкусом, но это был малый бизнес.

Писали картины, копируя знаменитые, и лихо продавали на Невском. Было и такое: Валентин откликнулся на просьбу одного именитого политика помочь написать диссертацию. Она была первой, но не последней просьбой такого рода. Диссертации защищались политиками, чьи имена были на слуху. Деньги шли солидные.

Знакомство с лицами именитыми приносило и другие заказы: например, изготовить мозаичный столик для восстанавливаемого царского дворца.

Талантливые ребята, новые Остапы Бендеры не пропадут в любую лихую годину.

Иногда дело доходило до невероятного и парадоксального. Купили корову. В Репино можно было прокормить, травы и сенца достать. А что? И философы могут коров доить. И доили, и ухаживали, и прониклись любовью к животине, и оценили труд крестьянина.

А тут золото высшей пробы, много. Эмоции зашкаливали.

Второй поиск на Коневце прошел так же успешно, как и первый. Точны и понятны оказались документы. Рука опытного офицера здесь проявилась четко.

Монеты, добытые в этот раз, опять разделили по трем сумкам и адресам. Отличие от первого раза: Игорь ехал уже на своем автомобиле – неприхотливой деловой «Ниве». После изучения достоинств клада удивлению и радости не было предела. Жалели, что ящиков осталось только два. Ярно хорошо поработал.

Жизнь изменилась коренным образом. Стали планировать будущее, чтобы не потерять удачу, свалившуюся неожиданно на их головы. Поэтому и решили: головы иметь ясные, планы продуманные и просчитанные.

На двух новых компьютерах составляли варианты поведения и жизни, вели обсчеты, искали информацию. Обсудили вопрос: насколько позорно для них присвоить то, что нашли: может, отдать государству и получить то, что причитается по закону? Но обзревая, что происходит вокруг после развала уникальной страны, покачали головами. Воровали теперь миллиардами, олигархов выросло постоянно как грибов после дождя. Воспитанные на советских идеалах, решили жить так, чтобы не было больно... за бессовестно прожитую жизнь.

Постановили: личные расходы не наращивать сразу и помногу. Поручили Игорю найти детский дом, в который он потом регулярно, годы, возил все необходимое – от постельного белья до футбольных мячей. Своих родителей отправили на юг в санатории.

Изучив достоинства монет, самые ценные, как достояние России, относили в банковские ячейки, чтобы позже передать государству.

Первый год после походов в Приозерск провели в размышлениях, но кое-что себе позволили. В квартирах делались ремонты, появилось жела-

ние побывать за границей. Решили всем троим – по одной поездке.

Олег поехал в Хельсинки. Побывал на ферме, вообразил здесь пятерых советских солдат, три года горевавших, что они не на фронте.

Боль долго резала сердце. Представил, что пережил отец.

В дом Юсси доставили пакет, в котором была записка: «Проект завершен. Забудьте» и приложена серебряная монетка времен Николая II.

Вторая поездка была в Гатчину. Долго стоял у захоронения своего деда Василия. С горечью в сердце бродил по городу. Высматривал голубятню. Нет, не вернулись Юркины почтари в Гатчину...

Нет золота!

Следующим летом экспедиция направилась в Питкяранту. Купили катер, удочки, пошли по карте к острову. Остров был занят. Две семьи больше месяца славно здесь проводили время, и, видно, не случайно.

Жизнь и удача – дело случая. Однажды семья с мальчонкой забралась на этот остров, загорали, купались, ловили рыбу. Мальчишка гонял мяч, зафутболил так, что в его поисках залез в какую-то пещеру и начал искать мяч и клад, как читал в книгах.

Иногда дети рождаются в рубашке. Этот родился миллионером, сыном миллионера и миллионерши. Видно, бог послал им большое, большое счастье, заодно подшутив над тремя другими кладоискателями, целый месяц ждавших своей очереди у острова, усиленно рыбака и выпуская улов.

Опоздали они на два года. Облазили весь остров. На месте, указанном Ярно, всё говорило о том, что им не повезло.

Заторопились в Петрозаводск, перевезли туда катер. Тщательно продумали действия. Решили на помощь призвать сыновей Валентина и Игоря. Расстроенные и разоренные на миллионы, бодрились и надеялись, что, может, не все потеряно.

Место с давно разрушенными церковными постройками на Онего нашли быстро. Оно было труднодоступным. На автомобиле не подъедешь, и на катере неблизко. Выгода в том, что людей поблизости нет. Все-таки двух наблюдателей с биноклями выставили – одного на воде, в катере, другому пришлось залезть на ель.

Поначалу не заладилось. Все заросло. Кустарник, деревья скрыли ориентиры. С трудом нашли

один тайник на глубине метра. Пришлось покопать, чтобы убедиться в наличии трех небольших ящиков. Довольные, добычу доставили до машины и отправили двоих домой.

Поиск продолжался месяц, и месяц отправляли найденное. Голова от радости шла кругом. Всего, как и числилось в документах, было найдено двадцать ящиков в трех местах.

Последнее место никак не давалось, но однажды щуп ушел весь в землю, но до дна не дошел. Второй щуп рядом уткнулся в твердое. Был открыт подземный ход. Тоннель уходил в сторону бывшего церковного строения. Вскоре наткнулись на сравнительно свежую стенку из камня. Разобрали и метров через десять нашли основные ценности.

По частям, с предосторожностями, все перевезли по разным адресам.

Новая жизнь

В Репино усталые, взбудораженные, долго уверяли себя, что основная работа завершена. Они богаты, и можно отдохнуть. Не тут-то было.

Встал вопрос: где хранить? Покумекав, купили в двух заброшенных пропадающих деревнях, недалеко от трассы, пару домов. Стали делать вид, что ремонтируют, но в первую очередь были оборудованы секретные подземные хранилища, которые трудно было обнаружить и вскрыть.

Работы было много, и не только физической. Надо было изучить каждую вещь, чтобы оценить, а потом от нее избавиться. Все это жутко интересно, но и опасно.

Такого подарка судьбы, наверное, желает каждый. Когда до конца разобрались с имуществом, выяснилось, что получили вместе с ценным и порой уникальным безделушки. Гипсовые и металлические статуэтки зверей и древних цезарей, коврики, веера. К счастью, их было немного.

Много было золотых, старинных кубков, золотой и серебряной посуды, кинжалов из разных стран с рукоятками, украшенными золотом и драгоценными камнями, табакерок с царскими вензелями. Столовые сервизы – поистине царские. Самоцветы, много и разных, с Урала и Азии. От русского жемчуга северных рек до ожерелий из морского жемчуга. В каждом ящике немного бриллиантов и золотых монет. Все не перечислить, не обозреть за один раз.

Сразу оценить все просто невозможно. Требовалось время.

Монеты легче поддавались примерной оценке. Отделили особо редкие и ценные, как червонец Петра I, золотник Владимира, пробный рубль Ивана IV, несколько иностранных и отнесли в банки.

Золото скупают во всех городах страны. Везде работают антикварные магазинчики, но за этим бизнесом неустанно следит криминал.

Обратило на себя внимание одно обстоятельство, что «компания», собравшая коллекцию монет, была очень непростой. Зорко следила за событиями. Так, выпущенные в 1913 году памятные монеты в честь 300-летия дома Романовых уже были куплены банком, а в 1917 году они стали поистине особо ценными.

Находить сбыт ценностей было непросто, надо не «засветиться». Потребителей было много в Питере и Москве. На Рублевское шоссе все это требовалось, с лихвой окупилось. Пришлось просчитывать каждый шаг, как в шпионской войне, но все обошлось.

Сергей, сын Игоря, торопясь в Финляндию по делам своего бизнеса, нарушил инструкцию, которую разработали и соблюдали до сих пор все пять «посвященных» в реализацию ценностей. Он зашел второй раз в антикварный магазин с горсткой золотых монет, которые ему с удовольствием щедро оплатили. Первый раз он принес одну монету. Второй заход мог дорого стоить всем. Сергей, заметив слежку, сразу сообщил отцу, тот подключил всех из пятерки.

Разработали операцию прикрытия и выяснения, насколько серьезные люди вышли на охоту.

После разговора по телефону Сергей из антикварного магазина, не заезжая домой, отправился... в Карелию. Его машина лихо шла на Петрозаводск. Навстречу ему мчался Олег. Преследователи не спешили, но далеко не отпускали Сергея. В его машине уже стоял «жучок».

Погоня длилась несколько часов. В гонках участвовали уже три машины. Из Санкт-Петербурга вышла еще машина с Валентином и Игорем.

До Петрозаводска оставалось пятьдесят километров. Сергей проехал Пряжу, но пришел приказ незаметно вернуться в поселок и не по трассе уйти на Эссойлу. Сбитые с толку преследователи тоже вернулись, но что-то не рассчитали. На лесной дороге у них кончился бензин.

Сергей уже был в деревушке на берегу Сямозера. В Кишкойле у Олега был охотничий домик, баня, лодка. Четверо «дачников» провели совещание в бане. В машине действительно нашли «жучок» и решили не снимать его. Маши-

ну поставили на виду, на поляне, недалеко от дома, вели наблюдение.

К ночи появился «Форд», проехал рядом с машиной Сергея и удалился из деревни.

Рано утром Сергей лесной дорогой на отцовской машине пробрался в Эссойлу и ушел на Санкт-Петербург и в Финляндию. Преследователи, предположительно, ждали машину Сергея в Иматозере, на развилке дорог.

Утром машина Сергея с «жучком», тремя «посвященными» помчалась в сторону Курмойлы, свернула в лес, проехала несколько километров. Авто застыло на месте. Трое мужчин с лопатами, топорами, пилой вернулись на дорогу и сделали «злое дело» – подпилили мостик через ручей. Сами же ушли в лес собирать чернику.

Под вечер двое мужчин направились по дороге, с черникой, в сторону деревни Курмойла. На дороге у обрушившегося мостика они увидели двух злых мужиков. Их машина провалилась в ручей. Сидели глубоко и прочно, как и было задумано. В это время машина с «жучком» по лесной дороге ушла в сторону дачи Олега, после чего «жучок» с машины был снят.

Мужикам-неудачникам «сборщики ягод» помогли к утру достать трактор, но до этого вечером в Курмойле сильно напоили следопытов, узнали от них много полезного. Следующий день в Эссойле ремонтировали «Форд»-неудачник. Местные мужики хорошо заработали на ленинградцах.

Этим все и кончилось. Больше Сергея никто не искал и не преследовал.

Позже братья организовали легальный бизнес. Открыли книгоиздательство. Олег стал издавать газету.

Ушел XX век, оставив в своих архивах много странных судеб.

Юра с Леной дожили до двух внуков и правнука. Были счастливы до конца своих дней.

Давайте надеяться, что XXI век принесет больше счастливых, веселых историй.

P.S. Кстати, богатства М. Кшесинской ее родные надеются найти до сих пор. Но это совсем другая история... Так же как и история Николая, якобы погибшего при попытке к бегству. В своей третьей жизни он передал много ценных сведений на Родину, в СССР. Да, да, стал нужным агентом. Именно поэтому окончание первой части «детектива» подошло к завершению – только пока.

**2023-2024 гг.
г. Петрозаводск**

Примечания

¹ Маннергейм К.Г. М. 23. Мемуары. Карл Густав Маннергейм, пер. с финского Б. С. Злобина. – М. АСТ Астрель. 2011 – 571. [5] с: 32 л. ил.

² Древняя Корела, Кексгольм, при финнах – Кякисалми, в СССР – Приозерск.

³ О судьбах репатриированных граждан в СССР, в том числе одного миллиона военнопленных Красной армии можно узнать из книг В. Андрианова, в частности, «Архипелаг OST». Москва. «Молодая гвардия». 2005. В книге приведена статистика по делам репатриации. Полвека на документах значился гриф «Совершенно секретно». Финны поражают. Всего для репатриации на Родину учтено 5675544 советских граждан, в том числе выявлено 2016480 бывших военнослужащих Красной армии. Все прошли фильтрацию. 1055925 бывших военнопленных и гражданских лиц призывного возраста направлены на попол-

нение Красной армии, 608095 человек укомплектовали рабочие батальоны для восстановления промышленности. К уже имевшимся репатриантам в лагерях в распоряжении НКВД (спецконтингент) добавлено 339618 человек. Настоящих врагов, предателей, шпионов в этих миллионах выловили на удивление мало.

Олег Георгиевич ЧИСТЯКОВ

родился в 1941 году в д. Малое Гольшице Пермской области.

Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, Ленинградскую партийную школу.

Журналистскую деятельность начал в 1966 г.

С 1982-го по 2007 год –

директор Центрального государственного архива Карельской АССР.

Награжден медалью «Ветеран труда» (1988 г.),

знаком Федеральной архивной службы «Почетный архивист» (2001 г.),

почетным знаком Российского общества историков-архивистов (2003 г.),

почетными грамотами Главархива РСФСР

и Федеральной архивной службы России (1988 г., 1998 г.),

Союза журналистов Республики Карелия (2001 г.).

Заслуженный работник культуры Республики Карелия.

В журнале «Север» публикуется впервые.

